

УДК 341.78-057.9

**ДИПЛОМАТ СЛОВАЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
БАРОН ФРАНТИШЕК ТОТТ ПРИ ДВОРЕ КРЫМСКОГО ХАНА ГИРЕЯ**

М. Даниш

*Университет имени Яна Амоса Коменского,
Братислава, Словацкая Республика*

На основе малодоступных историографических источников анализируется дипломатическая деятельность французского барона Франтишека (Франца) Тотта, консула короля Людовика XV при дворе турецкого султана и крымского хана в последней трети XVIII века. Особое внимание уделено дипломатическим усилиям французского посла в подстрекательстве крымского хана принять участие в русско-турецкой войне против России. Приведены малоизвестные факты биографии Ф. Тотта, касающиеся его деятельности в Стамбуле и Бахчисарае, а также исторические доказательства словацкого происхождения французского барона. Текст сопровождается примерами дискуссий из европейской и словацкой историографии о личности Ф. Тотта и его этнической идентичности. Реконструированы последние годы жизни Ф. Тотта накануне и после Французской революции. В приложении к статье приводится русский перевод отрывка из мемуаров Ф. Тотта по публикации 1873 года в «Киевских университетских известиях».

Ключевые слова: Ф. Тотт, словацкая идентичность, французский барон, дипломатия Людовика XV, министр Шуазель, турецкий султан, хан Крым-Гирей, русско-турецкая война, польские конфедераты, Дарданеллы, Венгрия, Нитранская столица.

XVIII век – время военных действий и бурных событий на европейском континенте и далеко за его пределами. В то же время это был век Просвещения, отмеченный высоким подъемом в сфере искусства и науки; век, принесший новые идеи разума, свободы, вознесший значение человеческой личности. Это было время, когда свои неограниченные возможности могли проявить люди самых разных характеров, профессий и способностей. Словакия, как часть тогдашней Венгрии, дала Европе целый ряд таких имен, слава которых для того времени была результатом их больших заслуг в области науки, искусства или общественной и политической жизни. Многие из них являются частью нашей истории и хорошо известны в словацкой историографии, но многие остаются еще неизвестными, а их истории хранят архивы. Иногда это случается потому, что они не были в прямом смысле «словацкими представителями», т. к. не писали по-словацки или ничего конкретного не сделали для Словакии.

Тем не менее необходимо показать истинным словакам, что примерно до конца XVIII века и в Словакии появлялись люди европейского уровня, что Словакию и словаков как часть Венгрии на протяжении нескольких веков рассматривали как часть Европы. В то же время следует заметить, что было бы по крайней мере неверно и нелогично вплоть до конца XVII века искать у словаков преобладание словацкой идентичности на уровне науки, искусства и международной политики. И одновременно ожидать от них, чтобы они не обращались к своей венгерской государственности. Учитывая, что сегодня существует словацкая государственность, наша обязанность – обращаться к тем представителям венгерского государства, которые родились в Словакии или имели словацкое происхождение. Формирование модели государственности Словакии в XIX и главным образом в XX веке базировалось на тех основах, которые создавались многими ее представителями в рамках европейского политического организма до начала нового времени. Эти деятели способствовали формированию той Европы, которая, кроме монархии, дала миру республику, конституцию и национальное государство. Известно, что до конца XVII века наиболее распространенным языком коммуникации был латинский, а в Центральной Европе с первой половины XIX века – немецкий, во второй половине XIX века уже часто использовался венгерский язык. Языком дипломатическим оставался французский язык. Когда наиболее образованная часть словаков овладевала этими языками, а иногда и многими другими, естественно, они знали и свой родной словацкий язык. Они знали этот язык с пеленок, оставаясь верными ему, даже когда судьба разбрасывала их по всей Европе, где они были известны как военные, интеллектуалы или дипломаты. Эти люди не боялись утратить свою словацкую идентичность, которая была генетически им присуща, и которую не было необходимости декларировать. Именно такие личности были у колыбели словацкой истории.

В ВИХРЕ СОСЛОВНЫХ ВОССТАНИЙ

26 марта 1698 года в городе Нитра родился Андрей Тотт. Он происходил из благородной семьи – его отец Николай воевал на стороне Ракоци и был капитаном в его армии. Уже будучи маленьким мальчиком, Андрей участвовал вместе с отцом в восстании сословий. В Австро-турецкой войне 1716 года он сражался вместе со сторонниками Ракоци на стороне Турции, и, когда турки проиграли войну, некоторое время был в Константинополе, где вместе с венгерским гусарским полком Ладислава Берчени поступил на службу французского короля. Военную карьеру, где он дослужился до звания капитана, Тотт в 1733 году сменил на дипломатическую. За свои военные заслуги он был со временем повышен до звания бригадира и командующего гусарского полка Берчени. Дипломатические способности Тотта французский король умело применяет при дворах турецкого султана и татарского хана. В 1746 году Людовик XV даровал ему дворянский титул барона. Женился А. Тотт во Франции на Марии Эрнесте Песселье, дочери плотника, с которой у него было трое детей – два сына и дочь. Позднее его дочь вышла замуж за графа Чарлза Вергенеса, которого в 1755 году назначили послом в турецкую Порту. Так, вместе с дочерью в Константинополь переехал и барон Андрей Тотт. С собой он взял и 22-летнего сына Франца (1733 года рождения), чтобы тот выучил турецкий язык. К тому времени Франц был уже заслуженным

военным, так как с 10-летнего возраста состоял в гусарском полку вместе с отцом. Когда в 1757 году Андрей Тотт умер, Франц (Франтишек) возвратился во Францию в поисках своего жизненного предназначения. В гусарском полку он вскоре получил звание капитана. Французская дипломатия использовала его возможности в самых различных случаях, но уже в 1767 году по воле короля он становится консулом в Крыму. С этого времени его карьера делает невероятный взлет.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ БАРОНА ТОТТА

Происхождение семьи Тоттов интересовало историков еще в XIX веке. Во всех публикациях о жизни Франца (Франтишека) Тотта упоминается его венгерское происхождение, однако не указывается ни одна конкретная семья или род. Отдельные издания общего характера утверждают его французское происхождение. Такая ситуация характерна для письменных упоминаний, которые появились на рубеже XVIII–XIX веков. Ситуация меняется уже в 1880-х годах. После долгих источниковедческих поисков первым историком, который однозначно доказал нитранское происхождение Тотта, был Коломан Талый. После публикации его исследований в 1888 году [10] для историков стало очевидно, что эта семья была родом из Нитры, словацкой территории Венгерского королевства. Уже на следующий год другой историк, Ян Янко, пишет о «нитранском Франце Тотте». Когда через четыре года выходит первое жизнеописание Франца Тотта, подготовленное Еленой Точек, то уже в названии дан ответ на предыдущие сомнения ученых – «Сын курицкого солдата. Жизнеописание для молодежи барона Франтишека Тотта Нитранского на основе собственных воспоминаний». К сожалению, К. Талый в названном выше исследовании не приводит ни одного источника, в котором было бы прямое доказательство нитранского происхождения семьи Тотта. Однако с того времени имя Тотта всегда дополняется прилагательным «Нитранский». Данной проблематике посвящено обширное исследование венгерского ученого Эдгара Палочи, биографа Франца Тотта, написанное столетие назад. В книге «Барон Франтишек Тотт, создатель Дарданелл» 1916 года он привлекает все возможные сведения о Тотте, в том числе и архивные материалы, военные мемуары и воспоминания в то время еще живых членов этой семьи.

Обратимся к 60-томному «Биографическому лексикону Австрийской империи 1857–1892 годов» Константина Вурцбаха, где соответствующий том вышел в 1882 году. Однако и это издание не содержит никаких прямых свидетельств по нашей проблеме (In meinen Nachforschungen über den Ursprung des Tottschen Baronats – es dürfte wohl ein französisches sein – sowie darüber, welcher der zahlreichen ung. Adelsfamilien des Namens Tóth der in der Rede stehende Freiherr angehört, binn ich leider zu keinem Resultat gekommen // In Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich Zv. 46. S. 251). Современная историография оставляет не решенным до конца вопрос о происхождении семьи Андрея и Франца Тотта. По мнению Йозефа Захара, этот род может относиться к различным семьям с фамилией Тотт (sáfordských, fejérgyarmatských, székelyských – zékelyszkých a nitrianských), между которыми были самые тесные родственные связи. В то же время при определении даты рождения Андрея Тотта уже не может быть сомнений – он родился 26 марта 1698 года в Нитре [11, s. 221]. Книга Й. Захара содержит обширный список источников, однако, точной ссылки на то, откуда была взята эта информация, нет.

По мнению другого венгерского историка – Ференца Тотта, который долгие годы занимался историей жизни сына Франца, крестьянская семья Тотт имеет венгерское происхождение. Семья Франца Тотта имела приставку *székelyi* и могла происходить из горной венгерской части Нитры. Одновременно приводятся сведения, что большое число семей с такой фамилией проживало в Важской и Залайской столицах (*Važskej a Zalajskej stolici*). В качестве источника сведений о нитранском происхождении семьи Тотт автор называет труд Э. Палочи [8, s. 32]. А при указании на дату и место рождения Андрея Тотта Ф. Тотт указывает вышеупомянутую работу Й. Захара. Лишь немногие словацкие историки исследовали проблему словацкого происхождения Андрея Тотта. В своих ранних работах автор данной статьи связывал фамилию Тотт со старым названием словаков и поэтому искал его происхождение в Словакии [2, s. 91].

КАРЬЕРА ФРАНТИШКА ТОТТА

Франтишек, как и его отец, получил звание военного бригадира и поступил на службу в Турцию. В дальнейшем, с учетом его способностей и заслуг, ему была поручена и дипломатическая миссия. Среди наиболее выдающихся заслуг Тотта на этом поприще следует упомянуть его службу в качестве посла Франции при дворе крымского хана в 1767 году. Через два года он уже служит при дворе султана в Константинополе и выполняет самые различные обязанности: укрепление Дарданелл, восстановление турецкой артиллерии, строительство понтонного моста, основание морской школы. Кроме всего прочего, он был назначен воспитателем наследника престола. Только в 1774 году Ф. Тотт вернулся во Францию. В 1777 году его назначили главным инспектором французских колоний в Леванте и Варварийских владениях; в это же время он совершил большое путешествие по всему Ближнему Востоку. С 1778 года Ф. Тотт ушел на пенсию и написал свой знаменитый труд «Мемуары барона Тотта» (*Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*). Последней его должностью бы место коменданта замка Дуэ, которое он покинул уже во времена Французской революции и бежал в Швейцарию. Здесь он встретился с Теодором Батей, который пригласил его в свое венгерское имение в Тарче. Однако, Ф. Тотт пробыл здесь недолго и умер 22 сентября 1793 года в разгар революционных событий (*In meinen Nachforschungen über den Ursprung des Tottschen Baronats – es dürfte wohl ein französisches sein – sowie darüber, welcher der zahlreichen ung. Adelsfamilien des Namens Tóth der in der Rede stehende Freiherr angehört, binn ich leider zu keinem Resultat gekommen // In Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich Zv. 46. S. 251*).

ПРИ ДВОРЕ КРЫМСКОГО ХАНА

Поводом к началу дипломатической карьеры Тотта стало, казалось бы неожиданное обстоятельство. Французский консул при дворе крымского хана заболел, и министерство иностранных дел во Франции озаботилось поисками достойной кандидатуры на освободившееся место. В итоге прежний консул Форнетти (Пьер Луи Форнетти (1732-1790): переводчик французской службы в Константинополе. В 1755–1758 годы работал переводчиком, в 1758–1768 годы исполнял функции консула в Крымском каганате) был отправлен в отставку министром иностранных дел Франции, а его функции были переданы Ф. Тотту. Верительная грамота Ф. Тотта датирована 23 июня 1767 года.

То, что выбор пал на Ф. Тотта, не было простой случайностью. Существовало несколько доводов для его назначения консулом при дворе крымского хана. В сложной международной обстановке того времени Франция не могла себе позволить оставлять вакантным место французского посла. Для выбора подходящей кандидатуры было мало времени. Способности Ф. Тотта были хорошо известны, учитывался и тот факт, что он почти восемь лет жил в Турции. В приказе министра иностранных дел о назначении Ф. Тотта на должность французского консула при дворе крымского хана, в частности, указывалось: «Знание турецкого языка, османских и татарских обычаев, заслуги, которые свидетельствуют о преданности на службе королю, хорошие рекомендации и мнения – все эти факты позволили Его Величеству поручить Вам эту важную и почетную роль» (Приказ об исполнении дипломатической миссии от 6 июля 1767 года. Цит. по: Zachar J. // *Idegen Nadakban*. S. 41). Из данной цитаты достаточно ясно, что Тотт имел добрые отношения и контакты с министром иностранных дел Франции.

На Ф. Тотта была возложена очень трудная миссия. Фактически вся ответственность за восточную внешнюю политику Франции того времени легла на его плечи. После константинопольского посла (который, между прочим, был его зятем), он стал вторым высокопоставленным представителем Франции в Крыму. В мемуарах о службе Ф. Тотта при дворе крымского хана приводятся следующие сведения из инструкции Министерства иностранных дел Франции: «Первой задачей (Ф. Тотта – М. Д.) будет то, чтобы хан и его министры всегда были хорошо информированы о действиях России и положении Польши; Вы всегда должны быть в самых оживленных связях с господином Геральтом (секретарь французского посла в Польше).

В тех случаях когда барон Тотт ведет переговоры с ханом или мурзами (татарской знатью) или другими чиновниками, чтобы его речь была умная, и он постоянно напоминал о славе Османской империи, безопасности татарского народа, проживающего на северном побережье Черного море.

Стремитесь обратить внимание хана и его приближенных на вышеупомянутые обстоятельства. Продолжайте усиливать их интерес к ежедневным действиям России, следите за этими действиями и объясняйте необходимость защиты национальных интересов татар. Попробуйте обратить внимание хана на то, чтобы он чаще представлял Порте проекты, и предлагайте насильственные методы решения возникающих проблем. Господин Тотт может прийти к этому постепенно, когда заслужит доверие хана, в этом случае он сможет убедить хана в беспристрастности французского короля. Барон Тотт должен убедить хана и его приближенных, что Франция имеет схожие с Османской империей интересы, но, учитывая, что она далеко находится от польских и русских границ, сила ее действий намного ниже. Покажите, что наши планы совпадают с турецкими. Во-первых, это постоянный и неизменный интерес о независимости и свободе Польши, а также отношений этого государства с соседними странами. Во-вторых, искренняя и крепкая дружба, которая сложилась между Францией и Османской империей, вынуждает Францию противостоять планам России.

Что касается титула, с которым барон Тотт будет послан в Бахчисарай, то король считает наиболее уместным дать ему титул консула. Это не связано с тем, что король не хочет дать ему более высокую должность, но этим шагом можно преодолеть те неудобства, которые связаны с отставкой Форнетти.

Остается еще одна проблема, которую мы поручаем барону Тотту: торговля на Черном море.

Собирайте самые различные сведения о различных предметах, которые могли бы быть интересны королю и вашей службе, а также об обычаях правительств татарских народов, качестве почвы, размещении портов, городов и крепостей, короче, обо всем, что есть в стране, о которой мы до сих пор имели самые неточные сведения, и что могло бы быть интересно.

При возвращении во Францию доставьте в Министерство иностранных дел хронологическое описание ваших переговоров, а также оригиналы писем, посланные из министерства короля, собственные заметки и все бумаги, которые касаются вашей деятельности на службе Его Величества.

Эту инструкцию подписал 6 июля 1767 года в Версале Людовик XV и князь Шуазель» (Цит по: Palóczyho. S. 37-55: Инструкция для Ф. Тота и его миссии в Крыму (Extract z Mission de Crimée zv. I. S. 4–40)).

Столь обширная цитата из документа XVIII века дает наиболее полное представление о том, что ожидали от барона Тотта во Франции и что он смог выполнить.

Барон покинул Париж 10 июля 1767 года. Он путешествовал один, без семьи. Первая остановка была в Вене, где он провел восемь дней. Далее он отправился в Варшаву, куда прибыл 12 августа и задержался там на шесть недель. Далее дорога продолжалась через Каменец-Подольский, молдавские города Яссы, Кишинев и Кишель на территорию Османской империи, где он был тепло встречен. До Черного моря Тотт добрался в районе Очакова и далее путешествовал вдоль побережья. В Бахчисарай Ф. Тотт прибыл 17 октября 1767 года.

Барон прибыл во двор крымского хана в период сложной международной обстановки. До его прибытия двор возглавлял хан Аслан Гирей, но ко времени вступления в должность французского консула на троне уже был Максуд Гирей. Из Парижа была выслана новая верительная грамота, которая была адресована новому хану.

Первая аудиенция у хана Гирея прошла достаточно благополучно. В это время при дворе были три ханских министра, которые еще помнили отца барона де Тотта [9, s. 138]. Уже через несколько недель Ф. Тотт был в ближайшем окружении хана. Во время долгих зимних вечеров барон Тотт делился с ханом планами и намерениями Франции, а хан и его близкое окружение прониклись к новому консулу доверием. Подробности переговоров этих дней сохранились в мемуарах Ф. Тотта. Показательным примером того, как барон всяческими приемами способствовал росту своей популярности, была его демонстрация электрических опытов [5, с. 128].

На рубеже 1767 и 1768 годов политическая ситуация обострилась. Турция явно не была готова к открытому военному конфликту, но предшествующее долгое мирное время скрывало все трудности. Граф Верген получил из Парижа инструкцию призывать Турцию к войне с Россией, хотя ему было понятно, в каком плачевном состоянии находится турецкая армия [4, с. 198]. Россия к тому времени еще не была заинтересована в войне с Турцией, и русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову долгое время удавалось корректировать французское влияние.

Россия не хотела войны с Турцией, так как была занята событиями в Польше, где в 1768 году вспыхнул военный конфликт. Барские конфедераты, которые выступили против диссидентов, против собственного короля и против России,

ожидали помощи от Турции, Австрии и Франции. От Франции они получили лишь символическую помощь в лице нескольких офицеров. Австрия со своей стороны разрешила провести съезд конфедератов в Прешове. После тяжелых боев с Россией и польскими королевскими войсками федераты были вынуждены отступить в Молдавию, где они открыто просят у Порты дипломатической и военной помощи [3, с. 66].

Политическое противостояние России и Франции в Константинополе крайне обострилось, когда 25 сентября великий визирь требовал от Обрескова аннулировать положение сейма о равноправности других религий и выводе русских войск из Польши. Русский посол не мог принять этих требований, поэтому турки его арестовали. В это же время обострилось положение барона Тотта. Князь Шуазель ожидал от него, что тот добьется объявления войны России со стороны Турции. Бывший до этого в опале хан Крым-Гирей встретился с делегатами от польских конфедератов, а также с графом Крачинским и графом Потоцким. На встрече присутствовал и барон Тотт. На встрече обсуждалась возможность совместных действий, но переговоры не принесли никаких реальных результатов. *Хан Крым-Гирей (умер в 1769 г.) был одним из наиболее ярых ненавистников России. В литературе он известен своими жестокостями и разгульным образом жизни, за что получил прозвище Дели-хана (сумасшедшего хана). Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крым-Гирей командовал многотысячным отрядом крымских татар. (Фонтан слез в Бахчисарае, сооруженный по приказанию Крым-Гирея в 1764 году, является оригинальным памятником зодчества, воспетым великим русским поэтом А. Пушкиным и великим польским поэтом А. Мицкевичем).*

Турция планировала сосредоточить войска при Хотине, а потом окружить Варшаву. Далее планировалось направить две армии – на Смоленск и Киев. Третья армия должна была идти с Кавказа на Астрахань. Татарские войска должны были отвлечь часть русской армии. В Санкт-Петербурге также было принято решение направить две армии: одну во главе с князем Голицыным, другую – под командованием Румянцева [Андреев А. Р. История Крыма. М., 2002. С. 170–172].

Турция не признавала Станислава Понятовского польским королем, так как на престол его возвел враг – Россия. С другой стороны, Россия подстрекала Понятовского воевать с турками, но тот вскоре прекратил свою борьбу с конфедератами [3]. Россия в то время не была готова к войне: флот и армия были не в самом лучшем состоянии. Своим будущим успехам она должна была быть благодарна тому, что турецкие войска были в еще более худшем состоянии.

27 января 1769 хан Крым-Гирей напал на Новую Сербию, русскую и причерноморскую область Украины. В этом походе его сопровождал Франтишек Тотт. Барону удалось наладить доверительные отношения с новым ханом. Описание этого похода и личности хана Крым-Гирея сохранились в мемуарах Ф. Тотта. К этому описанию обращались многие историки как к одному из наиболее достоверных и полных источников. (Перевод отрывка из мемуаров на русский язык приведен в приложении к данной статье – М. Д.).

В европейском сознании хан Крым-Гирей сохранился как умеренный, образованный и просвещенный правитель. Крымская миссия барона Ф. Тотта завершилась смертью хана. Причины, по которым не было продолжено его представительство при ханском дворе, до конца не известны. Венгерский историк Э. Палочи

видит в этом интриги татарского великого визиря, который не простил барону его влияния на хана. Различные энциклопедические издания указывают политику нового хана, который не хотел видеть при дворе и армии «неверного». Й. Захар объясняет этот факт политическими играми Франции. Французская дипломатия, по его мнению, стремилась скрыть тот факт, что стояла за вступлением татар в войну. Чтобы и в дальнейшем скрывать свои шаги, Франция не хотела высылать новую верительную грамоту, адресованную Девлет-Гирею. Без такой грамоты барон мог продолжать свою деятельность только как частное лицо без официальной поддержки Версаля (Palóczyho E. Bárón Tóth Ferenc ...: c. d. S. 83; Vuam. S. 6; Zachar József. Idegen hadakban, c. d.. S. 417). Во время личной аудиенции Ф. Тотт пытался договориться с Девлет-Гиреем, однако ему не удалось доказать необходимость своего дальнейшего прибывания при дворе крымского хана. В 1770 году он покинул Бахчисарай.

Кроме политической миссии, Ф. Тотт выполнял миссию экономическую. Ему была поставлена задача приспособить татарских коней для французской армии, особенно для гусар. Важную роль в его дипломатической деятельности в Крыму играла задача поиска возможностей для Франции участвовать в черноморской торговле. Здесь необходимо было найти выгодные условия для Франции в противовес России. Ф. Тотту также было поручено найти возможность доказать право свободного плавания французских кораблей в Черном море и получить эксклюзивное право на транзитную торговлю через Константинополь. Французские торговцы были заинтересованы торговлей, главным образом, шерстью, кожей, воском и сукном [9, s. 140–141].

В заключение необходимо отметить, что для Франции восточный вопрос в то время являлся ключевым. При посредничестве Турции и его вассала Крымского каганата и при поддержке Польши Франция стремилась ослабить растущую мощь России на европейской политической сцене.

После военной кампании крымских татар в Новой Сербии хана Гирея отравили агенты турецкого султана, а Ф. Тотт вернулся в Константинополь. Когда русско-турецкая война продолжилась, султан Мустафа III поручил Ф. Тотту изготовление военных карт для турецкой армии и оборону Дарданелл. Исполняя эту задачу, Ф. Тотт руководил строительством укреплений на европейском и азиатском берегах пролива.

Во Францию Ф. Тотт вернулся лишь в 1774 году после подписания русско-турецкого мирного договора. Возвращение было связано и со смертью французского короля Людовика XV и вступлением на престол Людовика XVI, который назначил министром иностранных дел его зятя графа Вергена. В качестве французского резидента Ф. Тотт объездил всю Северную Африку, Малую Азию, Сирию, Египет, Арабию. В 1781 году Людовик XVI произвел его в генералы, в дальнейшем он часто обращался к нему как к военному советнику.

МЕМУАРЫ Ф. ТОТТА ЧИТАЛА ВСЯ ЕВРОПА

В 1875 году в Париже вышло книжное издание мемуаров Ф. Тотта под названием «Memoires sur les Turcs et les Tartares». Это издание в четырех книгах вызвало огромный читательский интерес, уже в этом же году вышло еще три издания мемуаров, которые были также переведены на английский и датский языки.

В 1786 году вышел немецкий перевод во Франкфурте и Лейпциге. А два года спустя мемуары были изданы в Вене и Голландии. В Пеште 10-томное собрание мемуаров вышло в 1836 году; часть мемуаров была опубликована на русском языке в 1883 году в Киеве.

Эта чрезвычайно интересная работа выполнена в жанре мемуаров и дневника путешествий, одновременно являясь высокохудожественным произведением. Все описанное в мемуарах Ф. Тотт пережил лично. Ф. Тотт как автор показал себя образованным человеком, дипломатом и философом, талантливым и остроумным деятелем, умевшим вызвать к себе симпатии окружающих его людей. В предисловии к мемуарам он высказал оригинальное мнение, к которому он пришел во время многолетних странствий:

«Нравы и характер общества создаются и формируются не только под влиянием конкретной природной среды человека, но и в связи с индивидуальными склонностями, свойственными каждому народу. Племя, вышедшее из одного рода и со временем разделившееся на две части, поселившиеся на разных землях, свои типичные черты и характер сохранит и в новых общественных условиях».

Во время Французской революции, благодаря своему генеральскому чину и командиру элитных военных войск, Ф. Тотт помогал королевской семье бежать в Германию. Сам он понимал, что его возвращение во Францию невозможно. Когда он готовил в Швейцарии дипломатическую почву для встречи европейских правителей с целью создания коалиции в защиту французского короля, он решил на старости лет вернуться в Венгрию. С этой землей его всю жизнь связывало, как и его отца, участие в венгерском гусарском полку французской армии. 7 января 1793 года австрийский император Франц II объявил для него амнистию с условием, что он никогда не будет использовать баронский титул и отречется от наследственных владений в Нитранской столице. Ему оставались лишь дворянские привилегии. Ф. Тотт переехал в имение Тиварда Батяни в Васваре, с которым познакомился и подружился в Швейцарии. Осенью, 22 сентября 1793 года, Франтишет Тотт умер.

(Перевод со словацкого языка – Г. В. Рокина).

Приложение

Деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия, № 10. 1873. (Перевод А. Татарчевского «Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares». Paris, 1785.)

«... Газеты, говорит он, извещали о смутах в Польше и несогласиях между Портою и Россией. Максуд-Гирей, принужденный играть при этом значительную роль, боялся последствий этих несогласий. Действительно, опасения его были не напрасны. Вследствие дела при Балте, Крым-Гирей был признан Портою Ханом и призван в Константинополь для того, чтобы условиться относительно ведения войны с Россией. Чрез того же самого курьера, который привез весть о низложении Максуда, новый хан прислал распоряжение, чтобы все должностные лица ханства явились для торжественной встречи его в Каушаны (Kaouchan), в Бессарабию. Я, конечно, поспешил туда же. После торжественного въезда в Каушаны, Крым-Гирей в своем дворце, в зале дивана, на троне принимал изъявление верноподданнических чувств от высших сановников Крымского ханства. Новый хан

ко мне отнесся в высшей степени благосклонно, так, что после церемонии посетил меня и даже остался ужинать.

Крим-Гирей имеет около 60 лет. Фигура его очень представительна, даже величественна. Приемы благородны и, смотря по желанию, он может казаться и ласковым, и строгим. Натура его очень подвижная, живая. Он любитель всевозможных удовольствий: держит, например, при себе многочисленный оркестр музыкантов и труппу комедиантов, игра которых дает ему возможность отдохнуть по вечерам от политических дел и приготовлений к войне, которыми занят Крим-Гирей целый день. Деятельный сам, он того же требует и от других, а при своей горячности часто даже слишком строго наказывает не исполнивших его приказаний.

Вследствие личной привязанности ко мне хана придворные часто в подобных случаях обращались ко мне с просьбою ходатайствовать пред ним, и мне действительно не раз удавалось спасти кого-либо от беды, а один раз даже и от смерти.

Во время пребывания в Каушанах к хану явился посол от польской конфедерации для того, чтобы условиться относительно открытия кампании, которую Крим-Гирей рассчитывал начать набегом на Новую Сербию. Однако то обстоятельство, что при этом могли пострадать интересы пограничной польской Украины, требовало предварительного соглашения с Польшей. Посол ее не был снабжен на этот счет никакими инструкциями, и поэтому хан обратился с просьбою ко мне поехать в Данковцу (Dankowtza), близ Хотина, где были начальники польской конфедерации. Я согласился и, взявши одного из придворных татар, в качестве товарища, тотчас отправился. Проезжая чрез Молдавию, я был поражен страшным опустошением, которое было произведено набегами отрядов турецких войск, особенно сипаев. Набеги эти навели на жителей панический ужас. Все работы были брошены. Жители не только деревень, но и городов разбежались. В городе Ботушане (Botouchan), чрез который нам пришлось ехать, все дома были пусты, и жители столпились в тамошнем монастыре. Переговоривши в Данковце с графами Красинским и Потоцким, я поспешил возвратиться к хану. Поход в Новую Сербию, одобренный собранием великих вассалов, был решен. Из Каушана были посланы Крим-Гиреем приказы в провинции выслать войска. Для того чтобы образовать армию в 200 т. человек, необходимо было потребовать по 2 всадника из каждых 8 семейств, живущих в Крымском ханстве. Это число людей Крим-Гирей считал достаточным для того, чтобы атаковать неприятеля одновременно с 3-х сторон. Нурадин с 40 т. войска должен был отправиться к Малому Дону, калга с 60 т. по левому берегу Днепра к Орели. Под начальством самого Хана оставалась армия в 100 т. и 10-тысячный отряд турецких сипаев. С этой армией он должен был проникнуть в Новую Сербию. Кроме этих войск, отдельно, находились еще армии провинций Едесана и Буджака. Они также должны были идти в Новую Сербию, и пунктом соединения их с армией хана назначен был Тамбахар (Tombachar). Сборы, наконец, были окончены; 7 января 1769 г. мы выступили в поход. Первые два дня употреблены были только на то, чтобы переправить войско чрез Днестр. Едва только оно переправлено было, как в хану явился посол от лезгинцев (Lesguis), предлагавших для предстоящей войны свою армию в 80 т. чел. Предложение это, впрочем, не было принято.

Прием этого посла происходил в моем присутствии. Хан вообще так привык и так полюбил меня, что в этом походе я постоянно был его собеседником. В его походной палатке мы проводили вместе день и ночь. Крим-Гирей любил поговорить.

Часто мы толковали о преимуществах свободы, о государственном устройстве, и его понятия о законах, о принципах управления государством, о чести, о влиянии предрассудков были таковы, что сделали бы даже честь самому Монтескье.

Соединившись в войсками Едесана и Буджака, мы скоро достигли Балты. Пограничный этот город представлял вид полного опустошения. Сипаи не только dokonчили разорение Балты, но сожгли также и все соседние деревни. Эта избалованная, не привыкшая в дисциплине, кавалерия была положительно вредным бременем для татарской армии.

Войска были уже в полном сборе, и Крим-Гирей, дождавшись только известия, что калга и нурадин вышли со своими армиями к месту назначения, двинулся из Балты в Новой Сербии.

Достигши верховьев Ингула – границы Новой Сербии, хан созвал военный совет, на котором было решено, что 1/3 всей армии, в полночь переправится через Ингул, разделится затем на множество мелких отрядов и займется опустошением страны. Она должна была зажечь все деревни и хлебные запасы, забрать в плен народонаселение и угнать стада. Каждый солдат этой трети должен был выбрать себе двух товарищей из остающихся, чтобы после, возвратившись, поделиться с ними добычей. Остальные 2/3 должны были на другой день с рассветом также переправиться через Ингул и осадить крепость св. Елисаветы, для того чтобы дать возможность благополучно возвратиться с добычей тому войску, которое пошло опустошать страну. На другой день решение это было приведено в исполнение. Все шло хорошо, и только страшный холод был не малою помехою походу. Через день после нашего перехода через Ингул он был так силен, что больше 3 тысяч солдат почти буквально замерзло, и более 30 т. лошадей пало. Все войско было в очень незавидном положении, особенно жалки были сипаи, – холод душил их как мух.

Крим-Гирей, ехавший в закрытом экипаже, должен был для воодушевления армии выйти из него и ехать верхом среди солдат.

Приближаясь в крепости, мы на горизонте стали уже замечать многочисленные зарева пожаров, произведенных нашим ушедшим вперед, войском, а многие солдаты этого войска стали уже возвращаться к нам с добычей. Мы скоро заняли небольшой город Аджемку (Adiemka) вблизи крепости; он еще не был разорен, но жителей в нем мы нашли очень немного – все почти ушли под защиту крепостных пушек св. Елисаветы.

Положение войска, однако, было до такой степени скверно, благодаря холоду, недостатку провианта и корма для лошадей, что Крим-Гирей серьезно опасался быть разбитым даже самым немногочисленным неприятелем. Для предупреждения подобной возможности, он выбрал из армии 300 лучших всадников и послал их беспокоить крепость, пока армия несколько оправится в Аджемке, где мы нашли множество припасов. Много также провианта притащено было и солдатами, опустошавшими Новую Сербию. Почти каждый из них возвращался с несколькими пленниками и богатою добычей. Иной приводил душ 5–6 пленных всевозможных возрастов и при этом штук 60 овец и десятка два быков. Более 150 деревень было разорено ими. За 3 дня, проведенных в Аджемке, армия оправилась, и мы, зажегши почти моментально весь город, отправились дальше – в границе польской Украины. На границе мы взяли, после геройского сопротивления жителей, которые все погибли, большую деревню Красников (Crasnikow).

В этом деле высказалась вся негодность турецких сипаев, разбежавшихся после первого же выстрела красниковцев, и, напротив, вся храбрость и стойкость казаков, бывших в армии хана. Казаки эти, говорит Тотт, живут в Кубанской области. Один из русских, по имени Игнатий, не желая исполнять приказания Петра первого – брить бороду, поддался, со своими довольно многочисленными последователями, Крымскому хану. Он заботился, конечно, больше о неприкосновенности своей бороды, чем своей свободой, и татары нашли поэтому такое тесное отношение между своим словом инать (= упрямый) и Игнатий, что название Ина-тов так и осталось за казаками.

Ина-ты мало заботятся о сохранении в чистоте своей религии, но ревниво охраняют свои права – есть свинину и иметь на войне свое христианское знамя. Турки, находящиеся в войске хана, сильно недовольны этим. Они считают оскорблением своих магометанских знамен соседство с ними христианских, и мне часто приходилось слышать, как они бормотали проклятия на это осквернение святыни. У татар же здравый смысл развит настолько, что они считают это очень простым и естественным. На другой день после взятия Красникова хан предполагал захватить маленький город Цибулев (Sibiloff), но артиллерия, которая находилась в орудке, не позволила сделать этого, и мы успели только сжечь его предместье и увели жителей этого предместья в плен. Отсюда, по польской границе, мы направились обратно в Бессарабию к Бендерам.

Татары, а особенно турки, не обращали внимания на границу и покушались грабить и жечь польские пограничные деревни, которые встречались нам по дороге, и, благодаря только невероятным усилиям и беспощадной строгости Крим-Гирея, эти села дружественной земли были спасены от опустошения.

Не доходя до Бендер, Крим-Гирей велел разделить военную добычу. Одних пленников оказалось тысяч до 20. Хан и мне предлагал часть их, но я, конечно, отказался. После раздела добычи, мы прямо уже отправились к Бендерам и скоро, при громе пушечных выстрелов, торжественно вступили в этот город. Крим-Гирей остановился у визиря, начальника города, и занялся распусчением войска, пока его двор, бывший в Каушанах, готовился встретить его. Через несколько дней все мы были уже в Каушанах, в высшей степени довольные возможностью отдохнуть после всех трудов этой утомительной зимней кампании. Однако отдых наш не был слишком продолжителен. Из Константинополя получено было известие, что новая турецкая армия уже направилась к Дунаю для нового похода, и Крим-Гирей, среди удовольствий отдыха, должен был приготавливаться в походе и позаботиться сбором своего войска. От этих усиленных занятий Крим-Гирей стал очень часто испытывать припадки ипохондрии, которой он был и прежде – правда изредка – подвержен. При таких припадках я обыкновенно один находился при хане, стараясь чем-нибудь занять его, рассеять. Но как-то раз к нам явился Сирополо. Это был грек, уроженец Корфу, знаменитый химик, доктор валахского князя и его агент в Татарию. Он явился по каким то своим делам, но воспользовался этим случаем, чтобы предложить хану лекарство, которое, как он говорил, приятно на вкус и в то же время немедленно и навсегда вылечит его от ипохондрии. Хан согласился принять, и Сирополо тотчас вышел, чтобы приготовить ему это лекарство. Во мне зародилось подозрение, на которое невольно наводило положение Сирополо при ханском дворе. Я сообщил хану свои подозрения; я долго убеждал его не принимать лекарства,

приготовленного этим человеком, – но все было напрасно. Сирополо подозрительно быстро возвратился с своим лекарством, и Крим-Гирей тотчас его принял. На другой день мои подозрения и опасения еще больше усилились. После приема лекарства хан сделался так слаб, что едва в состоянии был выйти из дому. Сирополо объяснял это кризисом, которого он и ожидал и за которым, как он говорил, непременно последует полное выздоровление. Однако Крим-Гирей чувствовал себя все хуже и хуже. Он больше уже не показывался из гарема. Двор, министры – все пришло в страшное волнение; но мои старания предать Сирополо суду остались безуспешны. Все были заняты уже только тем, кто будет наследником Крим-Гирея. Я совсем было отчаялся видеть хана, как он сам передал мне свое желание видеть меня. Я немедленно отправился. Войдя в комнату, где лежал хан, я застал его за последними распоряжениями, которые он на постели делал чрез своего диван-эфенди. Вот, сказал мне Крим-Гирей, показывая на бумаги окружавшие его, мои последние, предсмертные занятия. Я их окончил и желаю вам посвятить мои последние минуты.

В разговоре со мною он старался развеселить меня, но, заметивши, что глубокая печаль, которой я не в силах был скрыть, не оставляла меня, сказал: «Полно, бросьте вашу чувствительность; она, пожалуй, и меня растрогает, а мне хотелось бы умереть в веселом настроении духа», и, сказавши это, он подал знак музыкантам, находившимся в глубине комнаты, начать концерт, и при звуках этого концерта скончался.

Тело хана было набальзамировано и перевезено в Крым.

Несмотря на то, что при бальзамировке трупа очевидны были следы отравы, Сирополо беспрепятственно получил билет и отправился в Валахию. Интересы двора подавили всякую мысль о мщении и наказании виновного. Утомление, которое было следствием похода и неизвестность относительно моего положения вследствие смерти Крим-Гирея, заставили меня отправиться в Константинополь и там дожидаться дальнейших распоряжений моего правительства.

И Тотт, оставивши при ханском дворе, у посольских дел, своего секретаря Руфина, чрез Балканский полуостров отправился в столицу Турции».

1. Biographische Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Zv. 46. S. 251.
2. Daniš M. Slovensko, husári a cárovná // Stimul. Bratislava, 1993.
3. Horbulák Z. František Tóth a jeho rodina v kontexte európskej diplomacie 18. storočia. Dizertačná práca, odbor história FFUK, 2006.
4. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. М.: Наука, 1991.
5. Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. М., 2015.
6. Tott F. Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785.
7. Tott F. François de Tott (1733–1793) és műve. Egy felvilágosult diplomata emlékezései // Vasi Szemle. LVII. 6. 2003.
8. Tott F. Egy tarcsafürdői emlék. Báró Tóth Ferenc élete és munkássága // Vasi Szemle 2001/1.
9. Tott F. La mission du baron de Tott en Crimeé, in Archivum Ottomanicum 20 (2002) / ed. György Hazai, Wiesbaden, 2002.
10. Thaly K. A Szezi-csatorna magyar tervezője a múlt században, in Egyetértés 1888. április 5.
11. Zachar J. Idegen hadakban, Magvető, Budapest, 1984.

**BARON FRANTISEK TOTT, A DIPLOMAT
OF THE SLOVAK ORIGIN AT THE COURT
OF THE CRIMEAN KHAN GIRAY**

Miroslav Daniš

Comenius University, Bratislava, The Slovak Republic

The article, based on the rare historiographical sources, analyzes diplomatic activity of the French baron Frantisek (Franz) Tott, consul of king Louis XV at the court of the Turkish sultan and Crimean khan in the last third of the eighteenth century. Great deal of attention is paid to the diplomatic policy of the French ambassador who egged the Crimean knah into taking part in the Russian-Turkish war against Russia. The article reveals several less known biographical facts dealing with the activity of F. Tott in Istanbul and Bakhchysarai and also the historical proofs of the Slovak origins of the French baron. The text is filled with the examples of discussions from European and Slovak historiography about the personality of F. Tott and his ethnic identity. Last years of life of F. Tott before and after the French revolution are reconstructed. The supplement to the article contains the Russian translation of a part of Tott's memoirs published in "Kievskie universitetskie izvestiia" in 1873.

Keywords: F.Tott, Slovak identity, French baron, diplomacy of Louis XV, French minister Choiseul, Turkish sultan, khan Giray, Russian-Turkish war, Polish confederation, Dardanelles, Hungary, capital of Nitra.

Об авторе:

Даниш Мирослав, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Университет имени Я. А. Коменского, Братислава, Словакия, miroslav.danis@uniba.sk

About the author:

Danish Miroslav, Full Professor, Comenius University, Bratislava, The Slovak Republic, miroslav.danis@uniba.sk